

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ

УДК 159.9.016

**ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ В ТРУДАХ Л.И. АНЦЫФЕРОВОЙ:
ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС КАК ЗАКОНОМЕРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ¹**

© 2019 г. Е. А. Сергиенко

ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 25.02.2019

Аннотация. Показана современность и фундаментальность идей Л.И. Анцыферовой в разработке принципов психологии развития. Фокус статьи направлен на дискуссионные моменты принципа диахронии психического развития: соотношении и тесном взаимодействии процессов прогресса и регресса. Показаны сосуществование процессов прогресса и регресса в раннем онтогенезе и проявления этих процессов во взрослом возрасте. Обсуждается концепция регрессии как обратимой дедифференциации, приводящей к увеличению в актуализируемом опыте низкодифференцированных систем Ю.И. Александрова и др. Выдвигаются аргументы, указывающие на необратимый характер развития, тесное взаимодействие регрессивных и прогрессивных процессов. Показаны различия между понятиями “регрессия” и “регресс”, а также “изменение” и “развитие”, продемонстрированы возможности проявлений и регрессионных, и прогрессивных форм поведения как разноуровневых систем поведения. Обсуждается вопрос о переходных формах регресса и прогресса в развитии как антиципирующих феноменов при реорганизации поведения. Рассматриваются примеры диахронического развития: становление избирательного поведения у младенцев к разной визуальной информации как демонстрация прогрессивного и регрессивного развития; появление улыбки и смеха в онтогенезе вначале как “эндогенных”, а затем — как социально детерминированных форм поведения и возможность неуместных улыбки и смеха как “разрядки” напряжения у взрослых. Сосуществование “инфантильных” и “зрелых” защит (психологических защит и совладающего поведения) в условиях острого и повседневного стресса также указывает на возможность одновременного участия прогрессивных и регрессивных процессов в регуляции поведения. Представление о доминировании регрессионных процессов в пожилом и старческом возрасте существенно изменяется в рамках разработки проблем благополучного старения, где возможна успешная компенсация потерь при актуализации психологических ресурсов человека, что носит ярко индивидуальный характер. Приведенный анализ показывает современность и опережающий характер научных идей Л.И. Анцыферовой.

Ключевые слова: диахроничность развития, прогресс, регресс, регрессия, изменение, развитие, переходные формы, гетерархия.

DOI: 10.31857/S020595920006042-2

Обращаясь вновь и вновь к трудам Л.И. Анцыферовой, не устаешь удивляться современности ее идей и актуальности тех проблем, которые она поднимала. Несмотря на то что имя Людмилы Ивановны в большей мере связано с разработкой проблем личности в психологии, она остается одним из глубоких теоретиков и методологов психологии, поскольку любая поднимаемая ею проблема решалась именно с позиций основ и достижений науки.

Разработка Л.И. Анцыферовой принципа развития в психологии остается классической и в настоящее время. В нашем коллективном труде “Принцип развития в современной психологии” (2016) [19] мы проанализировали подробно те идеи, которые были представлены в книге 1978 г. “Принцип развития в психологии” [18], вышедшей под ее редакцией, где она в своей статье поднимает основные проблемы психологии развития и предлагает пути их решения. Поразительно то, что многие современные разработки принципа развития являются прямым продолжением ее идей. При

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00069-ОГН.

разработке принципа развития Л. И. Анцыферова рассматривала проблемы *взаимообогащения методологических принципов, два типа диахронической структуры процесса развития: прогресс и регресс, идею превращения последовательности этапов психического развития в иерархию уровней психической организации, движущих сил и детерминации психического развития*.

Сравнивая решение проблемы детерминации и движущих сил психического развития человека, представленные в книге “Принцип развития в психологии” (1978) и коллективном труде “Принцип развития в современной психологии” (2016) [18; 19], следует отметить достаточно серьезное продвижение и развитие общих представлений. Так, в общем положении о противоречиях как движущей силе развития конкретно разработаны такие понятия, как типы противоречий — внутрисистемных и межсистемных, противодействие трудностям, компенсация в развитии, переход к саморазвитию, проблемы зрелости как показатель их разрешения. Общее положение о структурно-уровневой концепции детерминации психического развития было сформулировано в работах В. Г. Асеева [6], А. В. Брушлинского [7]. Это общее положение реализовано на современном уровне, в анализе непрерывности, гетерохронности, гетерогенности психического развития, введении наряду с принципом иерархии систем принципа гетерархии, что снимает противоречие в сосуществовании систем разного исторического и эволюционного уровней. Детерминация психического развития в настоящее время представляется как мультидетерминированный процесс, который означает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре системы находится человек как саморазвивающаяся система [10].

Принцип развития получил свое существенное расширение и дополнение 40 лет спустя. Это принципы системности, неопределенности, непрерывности, дифференциации — уровневой интеграции, субъектности, антиципации. Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трандисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отражающего взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и др.) [8].

Принцип развития в системе методологических принципов остается стержневым, “стягивая”, объединяя другие методологические принципы.

Л. И. Анцыферова отмечала: “Важной вехой, ознаменовавшей преобразование понятия развития в фундаментальную категорию психологии, стало включение его С. Л. Рубинштейном в систему понятий общей психологии и возведение в статус важнейшего методологического принципа психологической науки” [3, с. 23].

В меньшей степени разработанности, по сравнению с книгой 1978 г., остался вопрос о диахронии прогресса и регресса в психическом развитии. Он представлен лишь некоторыми работами и соображениями о соотношении эволюционных и инволюционных процессов [12; 17], действиях механизма компенсации [25]. В работах Е. А. Сергиенко показано единство данных процессов [21–23]. Однако этого явно недостаточно для существенного продвижения в понимании взаимодействия прогресса и регресса в психическом развитии.

ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Диахроничность процесса развития требует обоснования критериев самого понятия развития и понятий изменений, прогресса, регресса. Не потерявшим своей остроты остается вопрос о различиях между понятиями изменений и развития.

И в этом вопросе прежде всего следует обратиться к работе Л. И. Анцыферовой, Д. Н. Завалишиной и Е. Ф. Рыбалко [4]. Авторы предлагают решение вопроса: какие изменения можно считать развитием? Наиболее общие определения термина “развитие” представлены в философской литературе. В Новой философской энциклопедии в 4-х томах, изданной Институтом философии и Национальным общественно-научным фондом в 2001 г. и дополненной в 2010 г., дается следующее определение развитию: “Развитие — высший тип движения и изменения в природе и обществе, связанный с переходом от одного качества, состояния к другому, от старого к новому. Всякое развитие характеризуется специфическими объектами, структурой (механизмом), источником, формами и направленностью... Вместе с тем все эти различные типы развития характеризуются рядом существенных общих моментов и признаков, касающихся, в первую очередь, специфики самих развивающихся объектов. Если процесс изменения схватывает любые объекты, любые их стороны, то процесс развития — далеко не всякое изменение объекта, а лишь то, которое связано с преобразованиями во внутреннем строении объекта, в его

структуре, представляющей собой совокупность функционально связанных друг с другом элементов, отношений и зависимостей. Поэтому в материальном и духовном мире, где все без исключений предметы и явления пребывают в состоянии постоянного движения, изменения, о развитии можно говорить лишь применительно к объектам с тем или иным (простым или сложным) системным строением” [9, с. 397].

Л.И. Анцыферова и коллеги указывают на “процесс и результат целостной системы изменений — прогрессивных, регрессивных, обратимых и необратимых, прерывных и непрерывных, стабильных и неустойчивых, количественных и качественных, связанных с усложнением и упрощением развивающегося объекта, направленных и стохастических и многих других. Однако не все изменения являются достаточными и необходимыми характеристиками развития. В качестве таковых выступают *необратимые, закономерные, направленные изменения* организованных объектов, осуществляющиеся системным образом” [4, с. 25]. Поясняя данные критерии различий, Л.И. Анцыферова с соавторами считают, что только интегративные изменения, преемственность между этапами, целостность и относительная результативность приобретают черты развития. “Лишь при наличии направленности изменения могут кумулироваться, а процесс развития обретать единую внутренне взаимосвязанную линию, пробивающую себе путь через множество случайных отклонений. Необратимость же позволяет дифференцировать развитие и простое функционирование системного объекта, т.е. воспроизведение уже существующих структур и функций” [Там же, с. 25]. В понятии закономерности нашло воплощение представление об упорядоченности и устойчивости происходящих преобразований системы.

В качестве основных форм развития выделяются прогресс, определяемый как магистральное направление развития, регресс и развитие в пределах одного уровня организации. Л.И. Анцыферова с соавторами отмечают, что были выделены признаки и критерии прогрессивного развития, но не было разработано четкого определения понятия “прогресс”, не были сняты трудности, с которыми столкнулся Ч. Дарвин в своих попытках определить прогресс, совершенство и уровень организации органических систем. На качественно новый уровень разработка этой проблемы поднялась во второй половине XX в., когда произошла смена критерия прогресса: от структурного к функциональному. С этих позиций прогресс характеризуется как функциональное обогащение развивающихся систем,

показателем которого является *увеличение степеней свободы их внутренних и внешних связей*. Соответственно объективным общедиалектическим критерием прогрессивного развития выступает степень разнообразия свойств и отношений, обнаруживаемых системой при ее функционировании. Выделены критерии прогресса и критерии высоты организации развивающихся систем, которые могут быть использованы для психологии развития. Это системные, энергетические, информационные и экологические критерии [4]. Системные критерии характеризуют уровень организации через степень интегрированности, организованности системы, в сочетании с разнообразием типов внутрисистемных отношений, а также отношений между системой и ее окружением. Информационные критерии раскрывают эффективность накопления системой информации об окружении и адекватность ее регуляторных, управляющих механизмов. Энергетические критерии позволяют определить эффективность, экономичность и интенсивность использования системой собственной энергии. Экологические критерии — это степень приспособленности системы к условиям существования, объем ее “экологической ниши”, степень ее автономности.

Для прогрессирующих систем характерно возрастание их пластичности и накопление возможностей для дальнейшего поступательного развития [Там же]. Таким образом, прогрессивной будет та система, которая высокоадаптивна и создает предпосылки для своего будущего развития.

В этих теоретических разработках проблемы развития с позиций системного подхода наиболее важными для нас является выделение функционального критерия развития и принципа антиципации развития, когда система одного уровня закладывает необходимые основы для развития следующего, что составляет суть кумулятивного принципа развития.

Однако не только прогрессивное, но и регрессивное развитие может рассматриваться как антиципирующее [21; 22].

Возможны регрессивные и тупиковые линии развития, однако эти типы развития не есть проявления деградации. Регрессивное развитие существенно отличается от прогрессивного, но тем не менее также представляет собой качественное преобразование системы. Регресс характеризуется таким движением исходных форм, которое приводит к понижению уровня их организации, к сужению функциональных возможностей системы, возрастанию ее специализации, снижению зависимости от частных элементов среды, замедлению темпов ее развития. Применительно

к психологическому развитию человека регресс становится ведущей формой на поздних стадиях индивидуального жизненного пути, когда резкое снижение функциональных возможностей индивида ведет к сужению его временной перспективы, обеднению системы жизненных отношений и сферы интересов при адаптации к ограниченной социальной среде [4]. Нам представляется, что регрессивные формы развития по всем выделенным критериям (системному, информационному, энергетическому, экологическому) можно рассматривать как подготовительные, антиципирующие, так как они позволяют организму, индивиду, личности адаптироваться в отношениях с миром с учетом инволюции или реорганизации.

Регрессивные формы развития характерны не только для поздних этапов онтогенеза человека, но и наблюдаются как закономерная стадия на протяжении всего периода онтогенеза, когда происходит перестройка системы организации той или иной функции и поведения. Например, поворот головы и/или глаз на звук отмечается уже у новорожденных детей, что свидетельствует об интермодальном взаимодействии слуховой и зрительной систем. Однако в двухмесячном возрасте эта способность резко редуцируется, повороты в сторону звука наблюдается редко, но к четырем месяцам зрительно-звуковое взаимодействие начинает функционировать на более высоком уровне организации, обеспечивая точную пространственную ориентацию головы и глаз младенца на звучащий объект. Подобный U-образный характер развития отмечается во многих видах поведения (имитации, произнесении фонем, шагательных движениях и других видах активности).

Покажем на примере анализа стратегий глазодвигательного поведения применение критериев развития, прогресса и регресса.

Интересен факт наличия совместного сосуществования предыдущих, переходных и перспективных форм в поведении в процессе развития.

В исследовании глазодвигательного поведения младенцев от 4- до 24-недельного возраста изучалась избирательность между движущейся стимуляцией (оптокинетическое движение полос) и появляющемся на их фоне статическим привлекательным объектом, который подавляет реакции на движение. Были выделены типы различного глазодвигательного поведения, отражающие перцептивную избирательность младенцев. У младенцев 4–6-недельного возраста статический стимул либо усиливал оптокинетический нистагм (ОКН), либо “разрушал его” (саккадическая активность). У взрослых испытуемых статический стимул

вызывает один тип реакций — подавление ОКН (полное или частичное). У детей 8–16 недель наблюдалось уже три типа глазодвигательного поведения. Первый тип — частичное подавление нистагменных ответов, критерием которого служило изменение ритма и величины амплитуды движений глаз. Такой тип реакций встречался в 33% случаев. Второй тип реакций характеризовался полным подавлением ответов на движение полос и фиксацией статического объекта (36% случаев). И третий тип реакций — усиление нистагма при введении статического стимула. К этому типу относятся собственно реакции усиления ОКН (увеличение частоты и амплитуды) и возникновение ОКН в случае двигательного беспокойства, отсутствия внимания (31% случаев).

В третьей возрастной группе (24 недели) несомненно однотипность реакций на статический стимул, предъявленный на фоне движения полос: это подавление нистагменных ответов. По степени подавления можно выделить два типа ответов — частичное подавление ОКН (25% случаев) и полное подавление (75%) [21].

В переходном периоде от 2- до 4-месячного возраста наблюдается сосуществование “инфантильной” формы перцептивного поведения и “взрослой”, перспективной. Статический объект может усиливать направленность к движущейся стимуляции и может подавлять ее, фиксируя неподвижный объект. Такое сосуществование “старых” и “новых” форм в переходный период ставит вопрос о динамике системной реорганизации.

Системная организация данного поведения в ситуации избирательности в событии “статическое—движущееся” обеспечивает неспецифические ответы именно вследствие “слабости” компонентов системы, отвечающих за специализацию ответов или распределение внимания, его удержание на задаче с более низким “весом”. Но факт усиления ответов на движение свидетельствует о уже существующих возможностях в реорганизации системы. Эта реорганизация происходит постепенно на данном возрастном этапе, где наблюдаются старые и новые формы поведения. Наконец, происходит изменение системной организации, обеспечивающее стабильное поведение, направленное на выделение статического события. Подобная динамика систем включает изменение нейрональных ансамблей как на периферии (созревание фовеальной области), так и мозговых механизмов (включение в систему корковых нейронов зрительных, префронтальных и других областей мозга, увеличивающих свою специализацию).

Эти изменения можно отнести к процессам развития при сосуществовании прогресса и регресса (разных стратегий в переходном возрасте) и становлении устойчивости системы к 6 месяцам. То есть налицо системные (изменение взаимосвязей их расширение), информационные (доступность одновременного анализа информации и ее регуляция), энергетические (возможность взаимодействия с большим числом объектов), экологические (адаптивность системы к предъявляемым задачам).

РЕГРЕССИЯ И РЕГРЕСС

Важным для рассмотрения регрессивных процессов развития является сравнение с представлениями авторов коллективного труда “Регрессия как этап развития” [1], поскольку само название книги задает сходство между пониманием регресса как составляющей развития. Использование термина регрессии авторами содержательно тождественно термину “регресс”, что вызывает некоторые вопросы. Термин “регрессия” употребляется в психологической науке для обозначения защитного психологического механизма [15], на что указывают и сами авторы. Но далее они употребляют данный термин только в смысле процесса регресса в развитии. К сожалению, регресс не рассматривается авторами в единстве с прогрессом как целостная диахроническая система. Не проведена грань между понятиями изменений и развития, что принципиально может сказаться на интерпретации результатов.

Основная гипотеза авторов состоит в том, что регрессия — это обратимая дедифференциация, приводящая к увеличению в актуализируемом опыте низкодифференцированных систем. Данное положение подкрепляется исследованиями на животных и людях, при введении алкоголя, при стрессе, у людей с хроническими заболеваниями (головной болью).

Приведены следующие основные аргументы:

1. При остром введении алкоголя происходит регрессия, снижается сложность поведения, происходит нивелирование индивидуальных различий, просоциального поведения людей. Изменяются особенности их научения (меньший учет ошибок, меньшая вовлеченность корковых областей, изменяется согласованность новых и старых систем).

2. В состоянии стресса при решении моральных дилемм люди демонстрируют инфантильные формы выбора (в случае даже несправедливых поступков поддерживают “своих”). Но авторы указывают,

что и эти регрессивные ответы нельзя считать полностью детскими, поскольку «... полностью “вычесть” новый опыт и вернуться к состоянию, бывшему до его формирования на предыдущих этапах развития, невозможно» [1]. А причиной регрессии поведения авторы считают также, как и при алкогольной интоксикации, обратимую дедифференциацию при уменьшении активности корковых структур.

Авторы подчеркивают, что их представление о регрессии “не просто объединяет ряд разных процессов и состояний общим объяснением, но и дает это объяснение в терминах развития” [1, с. 150].

Следует отметить, что книга авторов написала основательно и научно убедительно, но согласиться с основной гипотезой сложно.

Во-первых, результаты их исследования представляют в основном один критерий, по которому можно считать, что это именно развитие, а не изменение. Это снижение сложности поведения и иные более низкоуровневые мозговые механизмы. Во-вторых, в теоретических построениях авторов обнаруживается противоречие. Если регрессия — этап развития, то как она взаимодействует с прогрессом и в чем состоит их взаимодействие в диахронической системе? Как представляется, один процесс без другого не существует — в этом и заключается смысл адаптации и развития. В-третьих, обратимость дедифференциации — это как раз критерий отсутствия развития, но присутствия изменений. Развитие *необратимо*, о чем и свидетельствуют факты неполного возврата людей к инфантильным формам поведения, тогда как *изменения* в функционировании вполне объясняют такие феномены.

Анализируя данные при остром введении алкоголя и его регрессивное действие, авторы утверждают, что происходит универсализация поведения, нивелирование индивидуальных различий.

Однако эти выводы противоречат данным других авторов, свидетельствующим о том, что хотя при употреблении алкоголя какие-то элементы поведения действительно становятся универсальными (контроль действий, равновесия, расстройства внимания, обучаемости, памяти, что связано с ослаблением коркового контроля), в то же время какие-то виды поведения остаются уникальными и выражены индивидуально. Один человек становится агрессивным, другой — миролюбивым и “любит все человечество” [13; 20].

Обнаруженное авторами снижение сложности поведения и его мозгового обеспечения соответствует принципу Дж. Джексона (закон Джексона):

степень устойчивости психических функций пропорциональна их эволюционному возрасту, т.е. чем более молодая психическая функция онто- и филогенетически, тем более вероятно ранее она выпадает при патологическом или естественном процессе нагрузок, стрессов, старения, воздействии психоактивных веществ, включая алкоголь. Собственно именно это и продемонстрировали исследования авторов. Корсаковский синдром и закон Рибо на примерах выпадения памяти у больных, включая хронических алкоголиков, также подтверждают данную закономерность: память на недавние события разрушается быстрее и более уязвима, чем память на события прошлого [20].

Еще один вопрос требует обсуждения. Это сосуществование переходных форм в развитии одновременно. Появление нового поначалу неустойчивого поведения сосуществует со старыми или “инфантильными” формами, которые не исчезают совсем, а остаются пусть и в преобразованном виде в арсенале поведения человека. Приведенный выше пример исследования глазодвигательных стратегий у младенцев можно дополнить другими примерами. Так, изучение генезиса аффективных проявлений в младенчестве подтверждает тезис о тесной взаимосвязи и взаимозависимости когнитивного и социально-эмоционального развития [26; 27]. Сначала появляется эндогенная улыбка новорожденных, отражающая процессы флуктуации нервной системы. Улыбка снимает напряжение — выступает вначале как неспецифическая функция (разрядки). Затем возникают улыбки, вызванные внешними стимулами — сначала неспецифическими (например, качающийся абажур), затем специфическими (наиболее эффективен для улыбки голос — врожденно предпочитаемый стимул). В период перехода от диффузных оценок к дифференцированным в 2 месяца отмечается появление улыбок на статическое лицо (в то же время, когда статическая стимуляция начинает предпочитаться динамической и оказывает специфическое действие — подавляет реакции на движение) [26; 27]. Генезис улыбки идет от неспецифических ответов к социально значимым. Смех развивается по тем же путям начиная с 4-месячного возраста. Но и во взрослом возрасте неуместные улыбки и смех при сильном эмоциональном напряжении, стрессе выполняют те же “инфантильные функции”, что и у младенцев, способствуя снятию внутреннего напряжения. Эти “инфантильные” средства защиты сосуществуют с более высокоуровневым механизмом психологического совладания: юмор, сарказм, самоирония [24]. Использование юмора также отражает уровень и сложность человеческого развития: от высоких образцов тонкого юмора до их упрощенных,

примитивных форм. При этом при психических заболеваниях (включая хронический алкоголизм) расстройство понимания и использования юмора идет в сторону его уплощения, при усугублении патологических состояний — к непристойности и, наконец, восприятию юмора как агрессии [11]. То есть процесс регрессивного развития указывает сначала на разрушение более поздних функций в онтогенезе к более эволюционно ранним.

Приведем еще один пример сосуществования защитных механизмов разного эволюционного уровня одновременно. Известно, что защитное поведение включает как психологические защиты, так и совладающее поведение разной направленности (эмоциональной, проблемной, избегание и др.). И опять именно Л.И. Анцыферова ввела в отечественную психологию феномен совладания, показала его важность и научный потенциал [5]. Совладание также может быть проактивным, т.е. упреждающим стрессовые реакции. При этом континуум защитного поведения используется человеком как осознанно (совладание), так и неосознанно (психологические защиты), т.е. включает разноразличные системы регуляции. В зависимости от стресса и проблемы могут быть использованы как психологические защиты в качестве “скорой помощи” в трудной ситуации, так и пролонгированное совладание, направленное на устранение или купирование проблемы [16]. Следовательно, полной редукции или регресса в случае стресса не происходит, а происходит преимущественный переход от психологических защит к совладающему поведению в подростковом возрасте и у взрослых здоровых людей. В то же время при клинических расстройствах могут преобладать психологические защиты.

Приведенные аргументы, как представляется, свидетельствуют о диахроническом процессе развития как необратимом и устойчивом становлении уровней психической организации, которые сосуществуют с ранее сложившимися уровнями и могут тесно взаимодействовать с ними, следуя принципу гетерархии скорее, чем иерархии.

Как мы уже отмечали ранее [23], ярким примером регресса психического развития в онтогенезе становится ранний подростковый возраст, связанный с кардинальной перестройкой в организации психических и психофизиологических функций. Подростки 11–14 лет характеризуются дефицитом внимания, произвольности, памяти, снижением самооценки, резким усилением аффективности и другими известными проявлениями, которые относят к видимому регрессу в развитии психических функций. Реорганизация психических

функций сопровождается изменениями в мозговой активности (снижением когерентности взаимосвязей между областями мозга, усилением активности подкорки), но к старшему подростковому возрасту это состояние нормализуется, приобретая “взрослый тип” мозговой регуляции. Данный регресс есть свидетельство разрушения старых систем организации психического и становления новых систем, т.е. регрессивный характер развития — результат зарождения нового уровня психической организации. Здесь возникает вопрос о качественных изменениях на всех уровнях: психологическом, психофизиологическом, морфологическом и даже социально-психологическом. Такие качественные скачки в развитии случаются в сензитивные и критические периоды развития, которые наиболее демонстративны относительно регресса и прогресса.

Здесь хотелось бы напомнить, что теория катастроф описывает и математически моделирует данный процесс изменений. В данной теории реорганизация системы, введение новых элементов сначала приводят к падению эффективности функционирования, а затем к ее росту и усилению устойчивости. Следовательно, в данном отношении регресс — закономерный этап в развитии человека, носящий временный характер. И в этом смысле можно говорить об относительной обратимости в развитии системы, которая все равно уже существует в измененном виде и новых взаимосвязях.

Внимание к регрессу как неотъемлемому процессу развития, его разработка очень важна и необходима. Для глубокой разработки проблемы необходимо привлечение оппонентного круга (выражение М.Г. Ярошевского) исследователей, разные гипотезы которых позволят продвинуться в понимании взаимосвязей и взаимодействий процессов прогресса и регресса в развитии.

Однако фазы регресса необходимо отличать от регрессивного развития, которое не только необратимо, но и ведет к снижению уровня функционирования и организации поведения. Такие регрессивные формы развития наблюдаются при манифестации генетических заболеваний (например, аутизме или шизофрении) и описаны в клинической психологии. Разведение и критериальное различение регресса как фазы развития и регресса как патологического процесса становится значимой задачей для психологии. Для нашей темы важно то, что регресс сам по себе также является маркером будущих изменений, т.е. антиципирующим признаком развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как полагала Л.И. Анцыферова, соотношение процессов прогресса и регресса изменяется в процессе онтогенеза человека. Она полагала, что в пожилом возрасте именно процесс регресса становится доминирующим.

Однако, как показали ее работы и современные исследования, в зрелом возрасте происходит компенсация потерь, которая может привести к продолжительной активности и успешной адаптации, обеспечивая благополучное старение. Однако данный процесс при старении носит максимально индивидуализированный характер, охватывая все уровни психической организации в уникальном их соотношении. Разрабатывая представления о компенсации, Н.Е. Харламенкова [25] выделяет специфику механизма компенсации при разных вариантах: стабилизации, поступательном и регрессивном развитии личности. При стабилизации развития важную роль играет возможность человека оценить собственные потери и интегрировать их с уже имеющимся опытом. Для поступательного развития необходимо расширение собственных возможностей и замещение утраченных достижений, что способствует росту личности. Но компенсация может привести и к регрессу: нарастанию тревожности, неуверенности, зависимости. В этом случае для успешной компенсации главная роль принадлежит самому человеку в его готовности компенсировать потери, сходство и различие компенсирующей и компенсируемой деятельности. Данные представления также согласуются с идеей диахроничности развития человека, неотъемлемости прогресса и регресса.

Приведенный анализ показывает современность и опережающий характер научных идей Л.И. Анцыферовой, который конкретизирован в данной работе при рассмотрении диахронии психического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Сварник О.Е., Знаменская И.И., Колбенева М.Г., Арутюнова К.Р., Крылов А.К., Булава А.И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
2. Анцыферова Л.И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 3—20.
3. Анцыферова Л.И. Материалистическая диалектика и психологическая наука (Вместо предисловия) // Категории материалистической диалектики

- в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 3–21.
4. *Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1988. С. 22–55.
 5. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы гештальтпсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
 6. *Асеев В.Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 21–37.
 7. *Брушлинский А.В.* О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 89–119.
 8. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 31–51.
 9. *Грушин Б.А.* Развитие // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 396–397.
 10. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Принцип развития в психологии: разработка и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.
 11. *Иванова Е.М., Ениколопов С.Н., Митина О.В.* Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах // Вопросы психологии. 2008. Т. 1. С. 45–57.
 12. *Изотова Е.И.* Инволюционный и эволюционный подходы к эмоциональному развитию в детском возрасте: дихотомия интерпретаций эмоциональных феноменов в онтогенезе // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 301–318.
 13. *Егоров А.Ю.* Возрастная наркология. СПб.: Дидактика Плюс; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
 14. *Козинцев А.Г.* Антропология смеха: на пути к синтезу // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4. С. 53–63.
 15. *Козулин А.* Понятие психологической регрессии // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 24–34.
 16. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
 17. *Марцинковская Т.Д.* Принцип развития в дискурсе персонологической и возрастной психологии // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 116–134.
 18. Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978.
 19. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
 20. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007.
 21. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
 22. *Сергиенко Е.А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>.
 23. *Сергиенко Е.А.* Психология развития: идеи Л.И. Анцыферовой и их разработка в современной науке // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 25–34.
 24. *Хазова С.А.* Юмор как ресурс совладающего поведения // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 177–182.
 25. *Харламенкова Н.Е.* Компенсация как один из механизмов развития личности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 235–253.
 26. *Spitz R.A., Wolf K.M.* The smiling response: A contribution to the ontogenesis of social relations // Genet. Psychol. Monogr. 1946. V. 34. № 1. P. 57–125.
 27. *Sroufe A., Waters E.* The ontogenesis of smiling and laughter: A perspective on the organization of development in infancy // Psychol. Rev. 1976. V. 83. № 1. P. 173–189.

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT IN WORKS OF L.I. ANTSEFEROVA: PROGRESS AND REGRESS AS A REGULAR PROCESSES OF DEVELOPMENT²

E.A. Sergienko

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.
DSc (psychology), professor, chief research fellow. E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 25.02.2019

Abstract. The modern and fundamental ideas of L.I. Antseferova in developmental psychology are shown. The article is focused on the discussion points of the principle of the diachronic of mental development: correlation and close interaction of progress and regress processes. The coexistence of processes of progress and regress in early ontogenesis and their manifestations in adulthood are shown. The concept of regression as reversible dedifferentiation, which leads to low differentiated systems in the actualized experience of Yu.I. Alexandrova et al. is discussed. Arguments are advanced that indicate the irreversible nature of development, the close interaction of regressive and progressive processes. The differences between the concepts of regression and regress, the concepts of change and development, the possibility of manifestation of both regression and progressive forms of behavior as multi-level systems of behavior are shown. The question of transitional forms of regression and developmental progress as anticipating phenomena in the reorganization of behavior is discussed. Examples of diachronic development are considered: the formation of selective behavior in infants to different visual information as demonstration of progressive and regressive development; the emergence of a smile and laughter in ontogenesis from “endogenous” to social forms and the possibility of inappropriate smiles and laughter as the “relaxation” of stress in adults. The coexistence of “infantile” and “mature” defenses (psychological defenses and coping behavior) under conditions of acute and everyday stress also indicates the possibility of simultaneous participation of progressive and regressive processes in the regulation of behavior. The notion of the dominance of regression processes in the elderly and senile age significantly changes within the framework of the development of problems of prosperous aging, where successful compensation of losses is possible when actualizing the psychological resources of a person, which is brightly individual in nature. The analysis shows the present and the advanced nature of the scientific ideas of L.I. Antseferova.

Keywords: diachronicity of development, progress, regress, regression, change, development, transitional forms, heterarchy.

REFERENCES

1. Aleksandrov Yu.I., Svarnik O.E., Znamenskaya I.I., Kolbeneva M.G., Arutyunova K.R., Krylov A.K., Bulava A.I. Regressiya kak e'tap razvitiya. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2017. (in Russian)
2. Antseferova L.I. Metodologicheskie problemy' psixologii razvitiya. Princip razvitiya v psixologii. Ed. L.I. Antseferova. Moscow: Nauka, 1978. P. 3–20. (in Russian)
3. Antseferova L.I. Materialisticheskaya dialektika i psixologicheskaya nauka (Vместo predisloviya). Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psixologii. Ed. L.I. Antseferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 3–21. (in Russian)
4. Antseferova L.I., Zavalishina D.N., Ry'balko E.F. Kategorii razvitiya v psixologii. Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psixologii. Ed. L.I. Antseferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 22–55. (in Russian)
5. Antseferova L.I. Razvitie lichnosti i problemy' nerontopsixologii. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2006. (in Russian)
6. Aseev V.G. O dialektike determinacii psixicheskogo razvitiya. Princip razvitiya v psixologii / Ed. L.I. Antseferova. Moscow: Nauka, 1978. P. 21–37. (in Russian)
7. Brushlinskij A.V. O kategoriyaх neprery'vnoe i prery'vnoe, kachestvo i kolichestvo v psixologii. Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psixologii. Ed. L.I. Antseferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 89–119. (in Russian)
8. Guse'ceva M.S. Princip razvitiya v psixologii: vy'zovy' poliparadigmal'nosti i transdisciplinarnosti. Princip razvitiya v sovremennoy psixologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. P. 31–51. (in Russian)
9. Grushin B.A. Razvitie. Novaya filosofskaya e'nciklopediya: V 4 t. V. 3. Moscow: My'sl', 2001. P. 396–397. (in Russian)
10. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Princip razvitiya v psixologii: razrabotka i perspektivy'. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 4. P. 29–40. (in Russian)

² This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17-06-00069-OGN.

11. *Ivanova E.M., Enikolopov S.N., Mitina O.V.* Narusheniya chuvstva yumora pri shizofrenii i affektivny'x rasstrojstvax. *Voprosy' psixologii*. 2008. V. 1. P. 45–57. (in Russian)
12. *Izotova E.I.* Involyucionny'j i e'volucionny'j podxody' k e'mocional'nomu razvitiyu v detskom vozraste: dixotomiya interpretacij e'mocional'ny'x fenomenov v ontogeneze. *Princip razvitiya v sovremennoj psixologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. P. 301–318. (in Russian)
13. *Egorov A.Yu.* Vozrastnaya narkologiya. St. Petersburg: Didaktika Plyus; Moscow: Institut obshhegumanitarny'x issledovanij, 2002. (in Russian)
14. *Kozincev A.G.* Antropologiya smexa: na puti k sintezu. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2008. № 4. P. 53–63. (in Russian)
15. *Kozulin A.* Ponyatie psixologicheskoy regressii. *Voprosy' psixologii*. 1990. № 2. P. 24–34. (in Russian)
16. *Kryukova T.L.* Psixologiya sovladayushhego povedeniya v razny'e periody' zhizni. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova. 2010. (in Russian)
17. *Martsinkovskaya T.D.* Princip razvitiya v diskurse psixologicheskoy i vozrastnoj psixologii. *Princip razvitiya v sovremennoj psixologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. P. 116–134. (in Russian)
18. *Princip razvitiya v psixologii*. Ed. L.I. Antsyferova. Moscow: Nauka, 1978. (in Russian)
19. *Princip razvitiya v sovremennoj psixologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. (in Russian)
20. *Rukovodstvo po addiktologii*. Ed. prof. V.D. Mendelevich. St. Petersburg: Rech', 2007. (in Russian)
21. *Sergienko E.A.* Rannee kognitivnoe razvitie: novy'j vzglyad. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2006. (in Russian)
22. *Sergienko E.A.* Principy' psixologii razvitiya: sovremenny'j vzglyad. *Psixologicheskie issledovaniya*. 2012. V. 5. № 24. P. 1. URL: <http://psystudy.ru>. (in Russian)
23. *Sergienko E.A.* Psixologiya razvitiya: idei L.I. Ancyferovoj i ix razrabotka v sovremennoj nauke. *Psixologicheskii Zhurnal*. 2014. V. 35. № 6. P. 25–34. (in Russian)
24. *Khazova S.A.* Yumor kak resurs sovladayushhego povedeniya. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. 2012. № 3. P. 177–182. (in Russian)
25. *Kharlamenkova N.E.* Kompensaciya kak odin iz mexanizmov razvitiya lichnosti. *Princip razvitiya v sovremennoj psixologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. P. 235–253. (in Russian)
26. *Spitz R.A., Wolf K.M.* The smiling response: A contribution to the ontogenesis of social relations. *Genet. Psychol. Monogr.* 1946. V. 34. № 1. P. 57–125.
27. *Sroufe A., Waters E.* The ontogenesis of smiling and laughter: A perspective on the organization of development in infancy. *Psychol. Rev.* 1976. V. 83. № 1. P. 173–189.